

© 1999 г. А.Л. ШИЛОВ

К СТРАТИФИКАЦИИ ДОРУССКОЙ ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Ранее мы уже говорили об особом интересе, который представляет топонимия Карелии в рамках вопроса происхождения субстратной топонимии Русского Севера в целом [Шилов 1998]. Было подчеркнуто, что, при множестве схожих черт, карельский топонимический материал явно является генетически более "чистым", содержит значительно большую долю топонимов, поддающихся надежной расшифровке. Соответственно выводы, полученные при анализе топонимии Карелии, могут использоваться при интерпретации данных для территорий былого обитания Чуди Заволочской и Мери (с более затемненной позднейшими неоднократными переработками и, вероятно, более многослойной топонимией¹).

Но и сама топонимия Карелии не свободна от "темных" элементов. Она есть, и в значительном количестве. Поэтому существенной представляется хотя бы приблизительная стратификация карельской топонимии. Начнем с краткого обзора состояния проблемы.

Прежде всего об освещенности топонимии Карелии (в современных административных границах) источниками, что важно в плане временной глубины контролируемых изменений форм топонимов, равно как и их устойчивости. С XII–XIII в. известны топонимы *Олонец*, *Свирь*, *Онего*, *Важаньский* (погост), ныне *Важины*, у *Вавдита*, ныне *Вавдиполь*, *Спирков* (погост), ныне *Спиркова Гора* [НПШ 1950; ДКУ 1976; СГГД 1813: № 3]. В XIV в. к ним добавляется несколько названий в бассейне Водлы: *Великий Остров*, *Гугмор-наволок*, *Водла*, *Гостилово наволок* (исходно у *Гостили*), *Пудога*; Обонежья: *Челмужи*, *Возрица* и др.; южной Карелии: *Шуя*, *Сямозеро*; северо-западного Приладожья: *Лаудикола*, *Погия*, *Кюрьежа*, *Кюлолакша*, *Куrolа* [ГВНП 1949: № 284; Зализняк 1995: НГБ №№ 2, 19, 130, 131, 248, 278, 403]. С середины XV в. до нас дошел ряд документов с топонимами Обонежья и юго-западного Беломорья [ГВНП 1949; Мат. 1941]; концу XV в. принадлежат писцовые книги и документы, описывающие поселения юга Карелии и отдельных участков Беломорья [Книга 1852; Книги 1930; Акты 1988]. Достаточно подробное описание остальной ее территории (в меньшей степени северо-западной части) относится уже ко второй половине XVI–XVII вв. [Книги 1930; Мат. Кольск. 1930; СГКЭ 1929; Харузин 1890; Акты 1990; Мат. ЕС 1972; Кар. XVII 1948; История 1987; Самоквасов 1909; КБЧ 1950]. Состояние топонимии, близкое нашему времени, отражено в [Каталог 1959; Шанько 1929; Бадюдин 1966; Жилинский 1919; Лоция 1913], различных "Списках

¹ В свете результатов исследований последних лет (в первую очередь связанных с работами А.К. Матвеева, И.И. Муллонен, О.В. Вострикова, Л.А. Субботиной) видна преждевременность дискуссии 60–70-х годов о происхождении субстратной топонимии Русского Севера, наиболее активными участниками которой были А.К. Матвеев и Б.А. Серебрянников. Хотя в ходе ее был выдвинут ряд плодотворных идей, топонимическая изученность Русского Севера явно не соответствовала уровню поднимаемых проблем. Похоже, однако, что ситуация повторяется уже на почве мерянской проблемы (статья [Альквист 1997], как отклик на [Матвеев 1996]).

населенных мест" (особо выделим [Сп. 1928], где приведены карельские варианты ойконимов) и современных топографических картах. Упомянув карты, укажем, что первая (поразительно подробная для своего времени) дошедшая до нас карта Карелии датируется 1728 г. [Клешнин 1958]. Отметим также "Планы генерального межевания" 1788 г. [Витов, Власова 1974; Витов 1962], ряд атласов [Атлас 1792; Шуберт 1840; Стрельбицкий 1890]. Ценные материалы содержатся в путевых заметках А. Кастрена, Э. Леннрота, Г.Р. Державина, С.В. Максимова, Н.Я. Озерецковского и др. Фронтальное обследование топонимии Карелии не завершено, хотя картотеки Ономастического архива Финляндии и ИЯЛИ КНЦ РАН (Петрозаводск) уже содержат огромное количество материала [Мамонтова 1995]. Выводы настоящей работы основаны на картотеке автора, где отражена топонимия Карелии в подробностях современной карты масштаба 1 : 200 000 (для гидронимов – 1 : 100 000) и, кроме того, известные автору названия порогов 48 карельских рек (около 600). Там где возможно, учтены ранние и параллельные формы названий.

Исследование карельской топонимии нерусского происхождения имеет давние традиции (прекрасный обзор: [Мамонтова 1995]). Упомянув имена Г.К. Грота, Д.П. Европеуса, А.Л. Погодина, Я. Калимы, П. Виртаранта, Д.В. Бубриха, А.И. Попова (список далеко не полон), отметим наиболее важные для нас работы [Nissilä 1967; Мамонтова 1982; 1991; Муллонен 1994; Лескинен 1965; 1967; Керт 1960], а также те, где проведено сплошное топонимическое обследование отдельных населенных пунктов или ограниченных районов [Громова 1974; Муллонен 1982; Суйсарь 1997]. Особо выделим работу по географическим терминам и их отражению в топонимии Карелии [ПФГЛ 1991].

* * *

Впервые выделение топонимических пластов в Карелии было осуществлено А. Глаголевой [Глаголева 1929]: русский; карельский (правильнее: прибалтийско-финский); саамский; древний, т.е. не этимологизируемый из данных известных языков. Впоследствии эта классификация не претерпела существенных изменений [Керт, Мамонтова 1982] (о некоторых "древнефинских" гипотезах скажем ниже) и зачастую некритично использовалась представителями других наук. Так, в [Косменко 1993; Косменко, Кочкуркина 1996] древний слой топонимов соотнесен с носителями культуры сетчатой керамики, а саамская топонимия – с населением, принадлежащим к ананьинскому кругу культур (ср. с [Седов 1974]). При этом в круг топонимов, определенных как древние на основании наличия у них "загадочных" топоформантов, попали топонимы самой различной языковой принадлежности. В то же время, как будет показано ниже, большинство соответствующих формантов имеет прибалтийско-финское или саамское происхождение.

Таким образом, ряд авторов постулирует наличие в Карелии дофинно-угорского топонимического субстрата (ДФС). Согласно Г.М. Керту и Н.Н. Мамонтовой он является неопределимым в языковом отношении и принадлежит пионерам заселения Карелии (и Кольского п-ва [Керт 1982]) – пришельцам с Северного Урала и Западной Сибири (этот вариант обозначим как УТС – уральский топонимический субстрат, имея в виду языки уральской семьи). Иные исследователи полагают, что саамам в Финноскандинавии предшествовали (являясь, наряду с "восточным", одним из компонентов их генезиса) палеоевропейцы – свидерцы и/или аренсбуржцы [Шумкин 1991; Напольских 1997]. Порой этот субстрат определяется как "волго-окский" [Косменко 1993] и трактуется в зависимости от того, какой смысл вкладывается в это понятие, имеются ли в виду племена финно-волжской языковой общности или, в духе идей работы [Серебренников 1955], предшествовавшие финно-уграм индоевропейцы. Но в плане рассматриваемого вопроса это, в конечном счете, безразлично. Если неизвестным признается язык и неопределенной археологически этнокультурная и расовая принадлежность народа, его можно "привести" откуда угодно.

Предполагаемый ДФС никак не охарактеризован с фонетико-морфологической точки зрения. Единственным критерием соотнесения топонимов с ДФС признается невозможность их этимологизации на основе данных известных языков. К таким топонимам в Карелии относят: *Выг, Илакса, Кестеньга, Санда, Суна, Ужма, Ухта, Шижма, Шокша, Шомба, Шонга*. Среди кольских темных названий указывается *Кочкома*, частое и в Карелии. К ДФС относят также гидронимы с финалями *-с (-э, -ж, -и)* или *-са (-ша и т.д.), -кса, -ма, -та (-да)*. Надо сказать, что успехи исследований последних лет способствуют пересмотру подобных взглядов топонимистами, которые (в отличие от археологов) все реже привлекают идею о ДФС.

Я. Калима полагал мерянскими некоторые топонимы южной и средней Карелии [Kalima 1941; 1942]. В. Ниссиля допускал возможность присутствия в Обонежье летописной муромы, указывая на гидронимы *Муромля, Муромозеро* и под. [Nissilä 1967: 99]². А.И. Попов находил следы особого чудского диалекта в восточной Карелии [Попов 1958].

Итак, "спорные" топонимы Карелии характеризуются как дофинно-угорские, т.е. как уральские (УТС) или доиндоевропейские (ДФС), либо как чудские, муромские или мерянские, т.е. принадлежащие финно-уграм, не проживавшим в историческое время в Карелии.

Что можно сказать по этому поводу? Археологические данные [ФУС 1982; Финно-угры 1987; Поселения 1988; Спиридонов 1990; АК 1996] показывают, что заселение Карелии людьми началось, как минимум, с мезолита. Первыми насельниками здесь были, конечно, не уральцы и не индоевропейцы. В более поздние времена здесь наблюдается последовательный ряд археологических культур. Наиболее ранняя из них, надежно связываемая с финно-уграми³ (культура сетчатой или текстильной керамики [Напольских 1997]) датируется серединой II – серединой I тыс. до н.э. Что это были за финно-угры, пока доподлинно неизвестно. Древности Карелии, прямо связываемые с предками современных саамов, датируются I тыс. до н.э. К середине I тыс. н.э. относят появление прибалтийских финнов (предков карел и вепсов) на юге Карелии [АК 1996]. Согласно археологическим и лингвистическим данным расселение последних на большей части территории Карелии датируется временем не ранее начала II тыс. н.э. [Косменко 1993]. Таким образом, соотнесение топонимических пластов с археологическими культурами Карелии может быть оправдано (с известной долей осторожности) лишь для времени, отстоящего от нас максимум на 2,5–3 тыс. лет. Для более ранних эпох такое сопоставление преждевременно.

Вернувшись к проблеме ДФС (и УТС), начнем с замечания общего, идеологического характера. Автор является противником поспешного зачисления какого-либо слоя топонимов в непознаваемые. Такой подход закрывает дорогу исследованиям, объявляя их заведомо бесперспективными. Хотя, может быть, признание "темных" названий принципиально неопределимыми все же лучше, чем объявление их санскритскими, как это делается с иными гидронимами Русского Севера – *Двина, Сухона, Кубена, Стрига* [Кузнецов 1991; Жарникова 1996]⁴.

Что же конкретно до топонимии Карелии, то явных доказательств наличия здесь ДФС мы пока не видим. Это не значит, что все топонимы Карелии нами или иными

² Но гораздо естественней выводить эти названия из карел. *piigata*, вепс. *tirt* "морозка".

³ В [Косменко 1993] с финно-уграми соотносится более поздняя группа археологических культур (ананьинская).

⁴ Соответствующая "гипотеза" попала и на страницы центральной прессы (В. Филиппов. Куда исчезли древяне и кривичи или почему вологодский говор не нуждается в переводе на санскрит // Известия. 18 апр. 1996). При этом санскритскими объявляются не только названия, действительно трудные для объяснения (*Индоманка*), но и ряд гидронимов, имеющих прозрачную этимологию. Например (ограничимся Карелией) проводятся такие сопоставления [Жарникова 1996: 121–125]: *Гангозеро* (ср. карел. *hanga* "развилка" или *hanhi* "гусь") – р. *Ганг* в Индии, *Камозеро* (саам. *kames* "темный" или *liant* "шаман") – санскр. *kam* "вода, счастье", ручей *Сагарев* (карел., вепс. *zagaru* "выдра") – санскр. *sagara* "море" (!?), р. *Сага* (вепс. *sara* "приток") – санскр. *sara* "вода, энергия, сила; наполненный".

авторами раскрыты. Но мы не видим топонимов с "безнадежным", не финно-угорским обликом, как не видим и гидроформантов, которые не поддавались бы объяснению на финно-угорской почве.

Рассматривая этот вопрос, не следует забывать о том, что топоосновы, как таковые, малопоказательны в плане поиска топонимических следов того или иного народа на территории с многослойной топонимией. А.И. Попов [Попов 1965: 150–151] вообще считал, что доступен для сколь-либо надежной интерпретации лишь субстрат. Субсубстрат, по его мнению, часто бывает настолько разрушен, что не поддается в целом опознанию. Более показательны заимствования [Матвеев 1995] и массовые топоформанты, если они могут быть надежно возведены к географическим терминам (как *-енгарь* в Устьянском регионе [Матвеев 1996]). В нашем конкретном случае следует считать еще с одним обстоятельством. Можно было бы надеяться на выявление следов уральского топонимического субстрата (УТС), если, конечно, таковой наличествовал в Карелии. Основы же гипотетических ДФС-топонимов, коль скоро мы определили ДФС как принадлежащий доиндоевропейцам (не уральцам), неизбежно подверглись бы активной фонетической переработке в соответствии с нормами финно-угорских языков: последовательное осуществление гармонии гласных, изменение неприемлемых консонантных сочетаний в интервокальных позициях, оглушение консонантов и устранение их скопления в аналaute и т.д. Это сделало бы элемент ДФС заведомо не опознаваемыми как таковые. Они приобрели бы финно-угорский облик, даже не находя при этом приемлемой финно-угорской этимологии. Вспомним, хотя бы, изменения русских топонимов в карельском освоении, описанные Я.К. Гротом, П.С. Кеппенем, А.И. Поповым: *Заозерье – Sasserri*, *Заборье – Soapru*, *Дервь – Tervi*, *Горка – Korkku*, *Спиридонов наволоок – Pirdoi-niemi*. Опознать эти топонимы как изначально русские оказалось возможным лишь при сохранении параллельных русских вариантов или документов о ранних их формах. Приведем пример освоения русскими саамского топонима через карельское посредство (см. еще [Шилов 1993; 1996б]): *Муксалма* – о-в Соловецкого архипелага. По первому впечатлению название представляется сочетанием карел. *mukka* "изгиб, поворот" и *salmi* "пролив". Следовательно, остров получил, путем метонимического переноса, имя пролива, отделяющего его от Большого Соловецкого о-ва. Пролив действительно имеет сложный фарватер, что отражено в его русском названии *Железные Ворота*. Но свидетельства XV в. показывают, что название изначально принадлежало самому острову, а звучало как *Нуксари остров* (**Нукс-сари*, ср. с карел. *soari* "остров"), *Нуксы*. Происходит оно явно из саам. **Nuktš-suol: hukčš(A)* "лебедь", *suol* "остров".

Сказанное выше, таким образом, не равнозначно утверждению об отсутствии дофинно-угорского, точнее досаамского населения Карелии, а должно восприниматься в контексте нерешенности проблемы происхождения саамов как таковых. Отсутствие ДФС означает либо действительно его изначально отсутствие, либо "стирание" древней топонимии пришельцами, либо, наконец (к чему мы склоняемся сами), освоение пришельцами (саамами) той лексики, на которой строилась эта топонимия. В последнем случае разделение исконного гипотетического ДФС и позднейшей, собственно саамской, топонимии принципиально невозможно. С одной стороны, это вывод отрицательный. С другой, он подсказывает путь к возможному решению проблемы происхождения саамов, проблемы чрезвычайно интересной и столь же трудной ввиду неоднозначных, противоречивых порой, показаний относительно саамского языка и антропологии саамов [Керт 1971; ПС 1991; ФУС 1982; Эрикссон 1974; Хайду 1985; Korhonen 1981; Ikonen E. 1980]. Мы имеем в виду, что данные топонимии Карелии и Кольского п-ва, трактуемые уже без оглядки на существование ДФС, могут помочь вычленивать те элементы лексики саамского языка, что были заимствованы саамами уже в Фенноскандии от их предшественников⁵. Тем самым какая-то часть этой

⁵ Ограничимся одним примером, показывающим, что этот путь перспективен: отсутствие саамского *njark* "мыс" в топонимии Заволочья (где саамская топонимия обильна) на фоне его активности в топонимии Кольского п-ва [Матвеев 1979].

лексики, для которой не найдено аналогий в известных языках [Керт 1971], может быть выделена для сравнения с известными элементами языков Европы или, как минимум, с топонимией соответствующих территорий⁶. В более широком плане речь может идти и о постановке подобной задачи для финно-угорской топонимии Северной Европы в целом (см. по этому поводу [Ariste 1971; Напольских 1990; 1997]).

Вместе с тем, мы наблюдаем определенные признаки топонимии чудской, т.е. принадлежавшей финно-уграм (не саамам), предшествовавшим в Карелии прибалтийским финнам. Здесь имеется определенная параллель с "мерянской" гипотезой Я. Калимы в смысле близости части карельской и мерянской топонимии. Но это свидетельствует не о присутствии здесь мерян, а лишь об архаичности ряда топонимов Карелии: многие топоносовы и некоторые топоформанты раскрываются с учетом изменений, характеризующих развитие современных прибалтийско-финских языков из прибалтийско-финского языка-основы (многими чертами еще достаточно близкого языкам древних вожских финнов). Тем самым можно говорить о былом проживании в Карелии финских племен, язык которых (назовем его чудским) был родственен языкам современных карел и вепсов. При этом он, видимо, не являлся их непосредственным предком: по современным воззрениям (см. [Муллонен 1994: 117–120]) формирование праприбалтийско-финской языковой общности привязано к более южным территориям. Предположительно можно связать создателей этой топонимии с носителями охотничье-рыболовецких культур (бескерамические поселения) Карелии конца I – начала II тыс. н.э. [АК 1996: 272 и сл.].

Косвенным признаком былого присутствия древней чуди в Карелии служат топонимы *Чудозеро*, *Чудаярви* оставленные очевидно саамами⁷, ср. с подобными топонимами Кольского п-ва и саам, *чуддэ* "враг". Другим свидетельством видится название о. *Вераш-Vierutsuaret* (оз. Селецкое), противопоставляемое названию соседнего о. *Святой*, ввиду карел. *vieraš* "не свой, чужой" (ср. с арханг. *вирачи* – о людях злых, неблагополучных, каком-то чужом народе [Попова 1996]). Вряд ли здесь могли подразумеваться карелы или саамы, издавна хорошо известные русским под именами *корела* и *лонь* соответственно. Скорее здесь представлена не собственно карельская, а чудская лексема (ср. *Верачагоща* в Белоруссии), отразившаяся и в названии р. *Ирста* (пр. Тарасйоки, пр. Шуи), вытекающей из оз. *Ирутъярви*. Название реки может быть истолковано как "Река чужаков" – *Vierasten-joki* (*Ирутъярви* < **Vierut-järvi*). Если так, то и название *Тарасйоки* (на которой расположено *Чудаярви*!) скорее происходит не из саам. *toares'* "поперечная" (по относительно положению пар Ирста–Тарасйоки или Тарасйоки–Шуя), но из саам. *toarra* "война, борьба, драка" или *Tarra* "Норвегия, Россия; чужая земля". Следовательно, в этой паре названий можно видеть противостояние саамов и чуди. Показательно, что дальше к северу – там, куда вел древний водно-волоковый путь с Ирсты в басс. Суны (отмеченный "путевым" оронимом *Матковара*), вновь встречаем *Чудозеро*.

Понимая, что при интерпретации темных топонимов должна соблюдаться крайняя осторожность, мы ограничили поиск чудских основ топонимов Карелии (о формантах предположительно чудского происхождения см. ниже) следующими критериями: топоносовы не находят разумного объяснения на прибалтийско-финской, саамской и русской почве; эволюция топоносовы, произведенная в соответствии с известными соотношениями между современным и древним финским консонантизмом [Хакулинен 1953], приводят к известной прибалтийско-финской лексической основе, активной, при-

⁶ Например, случайно ли созвучие названия гор *Бескиды* в Словакии (объясняемое из албанск. *hjeshtë* "горный лес, пастбище, склон, горный хребет"), укр. *бескид(ы)* "горы, скалы; крутизна", названий рек *Beska-Beska, Bieszcza* в басс. Вислы с саам. *peatskas, bäske* "крутой".

⁷ Русские топонимы с *Чуд-* в южной и восточной Карелии могли относиться к вепсам (на чем, в частности, настаивал Д.В. Бубрих [Бубрих 1947]).

том, в топонимии⁸; для соответствующих объектов семантика предлагаемой чудской этимологии должна подкрепляться личными наблюдениями или свидетельствами очевидцев о характере объекта.

Наиболее надежно чудская топонимия может быть выявлена в средней и северной Карелии. Во-первых, здесь трудно ожидать присутствия топонимов прибалтийско-финского происхождения, сохранивших архаичные черты, свойственные прибалтийско-финскому языку-основе (и, тем самым, сближающимися с топонимами чудского происхождения)⁹. Во-вторых, на указанной территории саамские и прибалтийско-финские топонимы легче опознаются, будучи в меньшей степени затемнены позднейшей переработкой в силу относительно позднего появления здесь как собственно карел, так и русских.

К чудским топонимам в Карелии (находящим, кстати, в большинстве своем, массовые аналоги в Заволочье) мы относим, например, следующие (об *Охта* см. специально ниже):

Ромбак из **romb-* "каменистый холм" при саам. *ruobre* "каменный холм", прибалт.-фин. *rom(m)e-* "неплодородная почва, скальное место";

Поньозуба, Поньгома, Понги (*Киельская Понги на Салуе острове* [Книга 1852]) из **rang-* "верх, вершина; возвышенность"¹⁰; или же **rojŋ* "грудь, пазуха" (прибалт.-фин. *rovi*, саам. *ruŋŋ*);

Шуньга из **šunŋi* "летний"¹¹ при прибалт.-фин. *suvi*;

Топонимы, связанные с географическим термином *поча, потча* [Шилов 1997а]. Подобного рода примеры, похоже, свидетельствуют о прямых контактах славян с древней чудью;

Онши – п-в на Топозере (ср. соседний п-в *Нячякка* при саам. *n'uatšk'e* "затылок") из **ontsa* "лоб" при фин. *otsa*, карел. *očča*, ливвик. *očči*, вепс. *oc*, людик. *ocč*, *očč(-i, -e)*, саам. *oats*, *vuotse*.

Предположительно можно рассматривать, как чудско-саамско-карельскую трилингву, варианты названия Вонгозера (в 1587 г. *Ванко озеро*, в 1597 – *Вонгера* [История 1987]) на р. Чеба басс. Суны [Лескинен 1967]: *Вонгозеро* (чудск. *(*v*)ong- "протока; узкое озеро" [Шилов 1998]) – *Салма* (карел. *salmi* "пролив") – *Лубоярви* (саам. *luobbal* "озеровидное расширение реки").

Чудскими являются, видимо, некоторые гидроформанты (см. ниже) и формант -*к(и)*. Он встречается в названиях островов (*Гальмук, Гельмюки, Калляк, Калляки, Кельяк, Кильяк, Кивдук, Кильдяк, Кобрак, Кобрако, Ламмакай, Лотоки, Камень Монак, Мунак, Муллоук, Мюкериккю, Пельяк, Робъяки, Ромбак(и), Танпараки, Як*) и явно восходит к **kiu*/**ki* "камень, скала; остров", ср. с прибалт.-фин. *kivi*, марийск. *kü(i)*, коми *ki* "камень", и с названием о. *Кий-Кю* близ устья Онеги.

⁸ Здесь мы опирались на опыт реконструкция чудских лексем, позволившей этимологизировать ряд темных русских заимствований географических терминов Заволочья [Шилов 1997а].

⁹ В южной Карелии такое возможно. Так, **išŋmä* "глухой лес", отразившееся в топонимах *Чужмозеро, Чужмукса* (*Чюжмукса*), *Чюзмель* (ныне *Systä* в Финляндии) могло принадлежать как чудской, так и ранне-прибалтийско-финской лексике (ср. фин. *systä*, карел. **šŋmä*, вепс. **šŋm-*, откуда русск. *сузем*) [Калина 1919: 221; Шилов 1996а: 73–74]. См. также о топонимах типа *Гатчи* [Шилов 1995].

¹⁰ Ср. с общеуральским **räŋŋä* "вершина, край, голова" и саам. *ronn* "куча, насыпь", прибалт.-фин. *rää, reŋ, rä, rai*, мордовск. *re*, удмурт. *rit, riŋ*, коми-зыр. *ron, rop*, манс. *reŋ, räŋk, riŋG* "голова, вершина; конец" (к финно-угорскому источнику похоже восходит и русск. диал. *паны, панки* "курганы" [Шилов 1997б]). Сюда, возможно, относятся и марийск. *роуэ* "гриб", которое М. Фасмер предлагал для объяснения гидронима *Поньга* в Костромской обл. (см., с примерами с территории Архангельской обл. [Матвеев 1993]).

¹¹ Имеющееся объяснение этого названия из саам. *šunŋ* "травяное болото" вступает в резкое противоречие с реалиями местности. "Летняя" же этимология находит подтверждение в парной оппозиции с близким ойконимом *Толвуа*: прибалт.-фин. *talvi*, саам. *tall'v* "зима".

Теперь перейдем к конкретным названиям, "приписанным" к ДФС, указав для них наиболее вероятную финно-угорскую этимологию. Подчеркнем, что не считаем свои сопоставления единственно возможными. Важнее показать, что обсуждаемые названия могут иметь предлагаемое происхождение, то есть приписывать их к ДФС нет нужды:

р. *Илокса (Илакса)*, ср. с названием р. *Илекса* – крупнейшего притока Водлы. Происходит из саам. *vīlle-liekse* "нижняя долина" или фин. *ylälaakso* "верховье реки";

р. *Кестеньга*, в документах XVI в. [Мат. 1941: 319–327; Акты 1988: 114] – *Кистенга*, в [Клешнин 1958] – *Кестинга*. Можно сравнить с саам. *kiesta* "заводь; укрытие", в топонимах также "подветренный берег" и чудским **enga* "река";

Кочкома – название трех рек. Напрашивается сопоставление с саам. *kuotskem* "орел", ср. с названием беломорского мыса *Кочкам наволок* (1591 г. [Мат. 1941]), ныне – мыс *Орлов*;

оз. *Сандал*, в 1563 г. – *Сандало*, *Солдал-озеро* [Книги 1930], в 1585 г. – озеро *Саньдо*, *Сандало* [Самоковасов 1909]. Основа *Санд-/Шанд-* нередка в топонимах Карелии: мыс *Шанда* у устья р. *Санда* на Сегозере; дер. *Сандалакша* в Кирьяжском погосте Водской пятины [Книга 1852]. Она может происходить из карел. *šuanta*, *šoando*, ливвик. *soanda*, людик. *suand*, *suond*, вепс. *sand* "добыча; приобретение, заготовка" или же саам. *šand^{2A}* "подножный корм". Такая семантика топонимов безусловно восходит к далеким временам, и неудивительно, что подобные топонимы встречаются и в землях Веси, Чудя Заволочской и Мери;

р. *Суна*, кар. *Suninjoki*, *Suunund'ogi*, фин. *Soimijoki* в верховьях, *Sunijoki* в нижнем течении [Lönnroth 1918]. В русских источниках (с 1563 г.) только *Суна*. Рассматривались этимологии из саам. *suini* "нить, жила", *tjuni* "мелкий песок", саам. **soonte-* "прорезать" (имея в виду "прорезание" рекой в ее нижнем течении оз. Сундозера) [Nissilä 1967: 75–76; Керт, Мамонтова 1982; Муллонен 1997]. Географические реалии подсказывают возможность и такого решения: саам. *suini²*, *suin²*, *swain²*, родит. множ. *suoini* "осока, тростник, трава";

Ужма. Это название должно быть, видимо, отделено от гидроформантов типа *-езьма* (см. ниже). Название *Ужма* принадлежало водопадному порогу у пос. Подужемье на р. Кемь, исчезнувшему в результате гидротехнических работ. Известно с середины XV в.: *подъ Ужмою юньдою; под Ужьма гарвами ловити* [ГВНП 1949: № 296, 322]. Ойконим *Подужемье* становится известен в середине XVI в., как и соответствующее карел. *Ustana* [Шаскольский 1973]. Определенно говорить о его происхождении трудно. Можно думать о переосмыслениях с участием др.-русск. **уэма*, *уэмень* "узость"¹², ср. с *Ustana* (калькой русск. *Подужемье* ожидалось бы *Ustanaala*). Привлекает и фин. *usta* "туман": фотографии [Григорьев 1956] и описания очевидцев XIX–XX вв. свидетельствуют о клубах водяной пыли, вздымавшейся над порогом¹³. Изначально же название могло быть саамским, например из *vuoss^Amas*, *vüssmus* "первый": вверх по течению р. Кемь Ужма была первым из трех больших порогов (еще Вуочаж и Юма), требующих обноса;

Ухта (3 реки), *Ухтица*, *Охта* (дважды), *Охтома* (дважды), *Бохта*, *Вохта*, *Вухтанъеги*. Элемент *охт/ухт* в северных гидронимах трактуют как "волоковая река", сравнивая с манс. *axt* "протока", хант. *охт*, *охгыт* "волок" [Афанасьев 1979]. Карельский топонимический материал согласуется с этой трактовкой. Более того, если бы отсутствовала соответствующая топонимия Русского Севера и лексемы угорских языков, мы пришли бы к этому выводу лишь на основании данных топонимии Карелии

¹² Теснина Ужмы была самым узким местом Кемь [Григорьев 1956].

¹³ Фин. *usta* "туман" привлекалось и для объяснения латвийских топонимов *Ustā*, *Ustas ežers* [Rudzite 1968]. Правда, в карельском языке отмечен лишь вариант *иста*, *ибха*; но переход в *Ухма/Ужма* возможен на стадии заимствования русскими, ср. *Ижма* из *Иэьва* [Попов 1965].

(автор специально занимался вопросом маркировки топонимами древних водно-волоковых путей в Карелии). В самом деле, одна *Охта* (приток Пистайоки) лежит на пути из бассейна Ковды в бассейн Кема; другая *Охта* (приток Кема) служила путем из бассейна Кема в бассейн Тунгуды, а далее к югу (на притоки Выга) путь шел по р. *Бохта*; р. *Вохта* являлась одним из звеньев пути из бассейна Суны в бассейн Шуи; наконец, по *Вухтаньегги* из бассейна Шуи попадали в бассейн Ладожского озера (на р. Видлицу). Судя по всему, в Карелии носителями термина **ohta* (вариант **uhta* с сужением гласного) являлись финно-угры (не саамы), предшествующие прибалтийским финнам. Из современной лексики в качестве соответствия к **ohta* можно указать вепс. *joh̄t* "старлица" [ПФГЛ 1991] и ливвик. *jogut* "речка" [Макаров 1975], что выглядит уменьшительным к **joh̄t(u)*, ср. *Ухта*, фин. *Uhtua*, она же *Ухут* (уменьшительным к *jogi* "река" можно скорее ожидать *jovut* или *joguine*). Семантика же "река, ведущая на волок; путеводная река" подводит к фин. *joh̄taja* "вождь, вожак", *johto-* "путеводный", *johtaa* "вести" (ср. с *Выг*);

Шижма. Очевидно из карел. **süzmä*, **šüzmä* "лесная глушь" (подробно: [Шилов 1996а: 73]);

Шокша – дер. на юго-западе Онежского озера. Наиболее вероятно происхождение названия из саам. *tšaktš(ʰ)*, *tjehts*, карел. *süksü* "осень", в топонимах "осенняя стоянка". Таково же, видимо, происхождение названия о. *Жижгин*, ранее *Жегжизня*, *Сокжин*, *Шокжин*, *Жогжин*, *Жегжично*, а впервые (1559 г.) – *Зогчин* [Акты 1988: 157];

р. *Шомба* (фин. *Sompajoki* [Lönnroth 1918]), оз. *Шомбозеро*, в 1728 г. *Шомбаярви* [Клешнин 1958], в 1591 г. *Самбо озеро*, в 1553 г. *Шомбо озеро* [Мат. 1941: 319–327]. Топонимы с подобными основами многочисленны в Карелии, Финляндии, на Кольском п-ве и Русском Севере [Шилов 1996а: 44–45]. Восходят они к прибалтийско-финской (и шире – финно-угорской) основе *samb-* "палка; столб; межевой камень", с которой связывается эпический образ Сампо [SKES: 962]. Семантика основы в топонимах дискуссионна. И.И. Муллонен [Муллонен 1993] полагает, что они маркировали границы родовой территории, будучи привязаны к водоразделам. Мы считаем более вероятной маркировку выхода на сухопутный участок водно-волокового пути. В иных случаях (названия островов, доминирующих возвышенностей) можно предполагать сакральное значение.

Шонга – приток Кепы. Есть еще *Шонгоостров* на Белом море, *Сонга* и *Сонгозеро* (в 1587 г. *Сонко озеро*, в 1597 г. *Шонга река* [История 1987]), р. *Сонгой*, на Кольском п-ве – дер. *Шонгуй* (саам. *Soanga* [Ikonen T. 1958]), много топонимов на *Sonka-* в Финляндии. Внешне созвучные топонимы могут происходить из разных источников: фин. *sonka*, карел. *šonka* "лосось", вепс. *šon̄g* "язь" (полагаются заимствованием из *сэмга* [SKES: 1070]), саам. *soaŋŋ* "задняя сторона" > фин. диал. *sonka* "угол, скрытое место"; облик же *Шонгоострова* наводит на мысль о саам. *tean̄G* "стоячий, кругой".

Выг – одна из главных рек Карелии. Финское его название *Uikujoki* [Lönnroth 1918], *Uikkujoki* [Леннрот 1985]; возможно эта форма возникла под влиянием фин. *uikki* "птица поганка, Podiceps". В русских документах название фиксируется с середины XV в.: *на море и въ Выгу; ловища на Выгу; в Выгу реки; на море на Выгу* [ГВНП 1949: №№ 286, 287, 291, 297].

Сопоставление русской и финской форм названий позволяет реконструировать исходное **Vuigk-f Vīgk-*, что чрезвычайно близко к саам. *vuoiGʰ*, *vuiešʰkʰ*, *viej̄k*, *vuišʰkʰ(ʰ)*, *vui(i)k*, *vuišʰkʰ(ʰ)* "правый, правильный; прямой". Потенциально оба оттенка значения уместны в названии этой реки. Она действительно в обеих своих частях течет практически в одном направлении (Верхний Выг до Выгозера на северо-запад, Нижний Выг до моря – на север) и действительно прямо, без сколь-либо существенных изгибов, что для карельских рек встречается нечасто. Но, думается, и этот признак лег в основу названия. Оно скорее значило "правильный, удобный; прямой (путь)". Известно, какое огромное значение играла река Выг на протяжении всей истории: по ней (от Выгозера) пролегал самый короткий и удобный путь с Онежского озера на

Белое море. Этот путь описывался неоднократно в русских и яноземных [Филипов 1901] источниках, начиная с XVI в. Не потерял он значение и в настоящем, ибо именно по местам древних волоков и руслу Выга пролегла трасса Беломорканала. Освоен он был именно саамами, ибо как водораздельный участок между Повенецким заливом Онежского озера и Выгозером, так и течение Нижнего Выга, в частности почти все его бывшие пороги, маркированы (наряду с немногими карельскими) саамскими топонимами, в том числе и "путевыми". Возможен и другой путь в Беломорье: от восточного берега Онежского озера рекой Водла и далее, через ее правые притоки, волоком на притоки Верхнего Выга. Символично, что именно на Онежском озере близ устья Водлы и в устье Выга – на концевых участках пути "из Чуди в Лопь" – найдены группы петроглифов III–II тыс. до н.э. Понятие "путеводная река" может быть сопоставлено и с саам. *vigkei* "вождь, ведущий", *vigked* "вести, руководить", ср. с *Охта*.

* * *

Теперь о наиболее массовых гидроформантах Карелии, в том числе – относимых к ДФС.

Формант *-с(-ш, -ж, -э)* имеет велское или саамское происхождение [Ikonen Т. 1958; Керт 1988; 1991; Муллонен 1991; 1994]. Варианты *-са, -жа, -ца, -ша* локализуются в южной и юго-восточной Карелии и обусловлены русской переработкой гидронимов в соответствии с грамматическим родом слова "река".

Из массы гидронимов на *-ц(а)* мы выделили небольшую группу, где формантом считаем *-лица/-лец* (*Миккелица, Ингулец, Чаблиц*)¹⁴. К этому нас побудило наличие названий типа *Лисья река* (северный рукав устья Свири), *Лисья губа* (выходит в Сегозеро двумя протоками), оз. *Лисье* (закрытый плес в устье Няжмы, имеющий два выхода в Белое море), приуроченных к протокам в устьях рек. К этому добавим названия порогов *Леполису* в боковой протоке р. Суна, *Лисья Голова* на Свири (у острова) и *Лисица* на Верхнем Выгу (с серией проток). Отсюда напрашивается сопоставление с фин. *lisä*, карел. *lizä* "добавка", фин. *joenlisä* "приток". Поскольку современной прибалтийско-финской географической номенклатуре Карелии термин *lisä* "приток, протока" не известен, его предположительно можно считать чудским.

Формант *-Vnga* отражает термин **engV* "приток; пролив, узость, межозерная протока", имеющий параллели в прибалтийско-финских, марийском¹⁵, мерянском [Матвеев 1996], коми, самодейских и юкагирском языке (а далее в тюркских языках). Формант зачастую сочетается с основами, раскрываемыми лишь из данных саамского языка, и можно полагать, что носители соответствующего языка (чудь) появились в Карелии не раньше саамов [Шилов 1998].

Происхождение форманта *-кса* объявлено еще А.И. Поповым, как результат русификации гидронимов, явивших прибалтийско-финскую форму типа { }-*ksenjogi*, где *-ksen* – показатель генитива существительных, оканчивающихся на *-s* [Попов 1965]. Соответствующие топонимы могли быть как прибалтийско-финскими (р. *Урокса*, вытекающая из *Уросозера*, ср. карел. *uog* "самец"), так и более ранними, и таких, пожалуй, больше¹⁶. В Карелии много гидронимов на *-кса*, имеющих саамское происхождение, но изменившихся в результате карельского, а затем русского

¹⁴ Мы, конечно не имеем в виду многочисленные ойконимы типа *Онтулица*, где *-ца* – русская добавка к карельскому или велскому названию с ойконимным *l*-овым суффиксом.

¹⁵ Мнение об уникальности марийск. *энгер* "речка, ручей" в кругу финно-угорских языков [Альквист 1997] несомненно. Не имеет аналогов в других языках (кроме мерянского) лишь финаль термина [Шилов 1998]. Отметим, что элемент *-р* в марийском слове трактовался как суффикс [Lehtisalo 1933: 235].

¹⁶ Топонимия Карелии дает множество примеров прибалтийско-финской модели освоения иноязычных названий: образование формы генитива т исходного топонима и добавление номенклатурного термина: р. *Софья* (*Софьянга*), в XVI–XVII в. *Сагоена, Софьян* [Мат. 1941; Харузин 1890] – фин. *Sohjanjoki* [Lönnroth 1918]; р. *Шуя* – карел. *Suojuind'ogi*, оз. *Сургу́ба, Сургу́бское* – карел. *Surguband'ürvi*.

освоения: оз. *Синемукса*, а поблизости порог *Синамус* на р. Видлица, исходно саам. **Sietmanes* "Младший" (рядом пор. *Пярзамус* – саам. "Старший"); р. *Ундукса* – через карел. **Unduksenjogi* из саам. **Vundas* – "песчаная"; р. *Кукса* (**Кукакса*), вытекающая из оз. *Кукас* – саам. "Длинное".

Формант *-нжа/-нза* представлен в названиях *Хабанзя*, *Челенза*, *Леменза*, *Илеменза*, *Гулиназа*, *Конданьза*, *Колонжа*, *Парманжа*, *Воренжа*, *Шигеренджа*. Его варианты мы видим в названиях *Дегенс*, *Тавинос*, *Ялнош* (с притоком *Яли*), *Арянукс* (**Арянукс* **Арянос*). К этому же форманту, по нашему мнению, восходит элемент *-нец/-ница* в гидронимах *Олонец*, *Сапеница*, *Войвонец*, пос. *Иломанец* [Книга 1852] (ныне *Иломантси* в Финляндии) и *Иломанча* – часть пос. Ладва¹⁷. И.И. Муллонен [Муллонен 1994: 120–121] указывает группу гидронимов на Белозерско-Онежском водоразделе: *Егинжа*, *Добинжа*, *Илинжа*, *Игинжа*, *Лобинжа*, *Оренжа*, *Салинжозеро*. Со ссылкой на М. Корхонена, она пишет, что в этих названиях сохранился древний прасаамский суффикс *-nže* (саам. *-š*) с деминутивной семантикой, весьма продуктивный в топонимии. Но в кильдинском диалекте кольских саамов и поныне существует суффикс *-inč*, *-enč*; он образует причастия действия и страдательные (*kondanč* "убитый"), а также отыменные уменьшительно-ласкательные формы [Ikonen Т. 1958; Керг 1988; Керг 1991]. Суффикс активен в образовании и собственно топонимов, и географических терминов: *валвенч* "глубокое русло реки", *варенч* "лесная горка", *вуайенч* "ручеек", *выденч* "отдельно стоящая горка", *орденч* "небольшая горная гряда", *луренч*, *лурнес* "обособленный озерный залив" [ГСК 1939].

Из приведенных примеров видно, что саамские названия с этим суффиксом осваивались русскими по-разному (в ряде случаев освоение шло через карельское или вепсское посредство), давая варианты *-енджа*, *-енжа* (*-анжа*), *-енза* (*-ензя*, *-инза*), *-енс*, *-инос*, и, наконец, *-енец*.

Формант *-ма* имеет, скорее всего, гетерогенное происхождение (о чем писал и А.И. Попов), отражая в одних случаях суффиксы отглагольных существительных, в других – конечный согласный топоосновы (в обоих случаях при утраченном детерминанте), в третьих – являясь результатом русского освоения исходно иной финали: *-бал/-на* (из саам. *rajj*, прибалт.-фин. *pää*, *peä*, *pä* "голова; верх, исток") или *-ва* (из саам. *(v)mai*, прибалт.-фин. *oja* "река, ручей")¹⁸.

Формант *-дал/-та*. Его происхождение также, очевидно, гетерогенно. В гидронимах типа *Волгуда*, *Тунгуда*, *Ламбуда*, *Чумбуда* он может отражать прибалт.-фин. уменьшительное *-ит* или саамский суффикс отыменных существительных *-vidit*, выступающие в чисто топонимобразовательных функциях (соответствующие модели хорошо известны). В отдельных случаях *-т* может принадлежать основе. Возможен и древний суффикс прилагательных **-eda*. Но многие из подобных гидронимов приурочены к южной и восточной Карелии, где фин. *joki*, кар. *jogi* "река" сменяется ливвиковским и людиковским *d'ogi*. Поэтому эти финали здесь могли возникнуть в результате переразложения дорусских гидронимов в русском употреблении [Лескинэн 1965]: *Šuojun-d'ogi* "Река Шуя" → *Šuond-ogi* → *Шонда*; *Aiho-d'ogi* "Низинная река" → *Aihod-ogi* → *Алгота* (ручей) [Книги 1930]. Таким образом, в большинстве "загадочных" гидроформантов в целом нет ничего загадочного, хотя каждый конкретный случай требует индивидуального анализа.

¹⁷ *Войница* (река и поселок у ее впадения в оз. Верхн. Куйто) сюда не относится *Войница* (*Вонница* [Клешнин 1958], *Вуннисен* [Стрельбицкий 1890]) возникло из фин. **Vuonnisenjoki*, производного от ойконима *Vuonniinen* (видимо из саам. *vinn* > фин. *vinto* "фиорд", что отвечает реалиям местности). Не относится сюда и русское *Салменица* (дер. при истоке Шуи из Шотозера), являющееся переработкой карел. *Salmennisku* "начало пролива" (Шуя между Шотозером и Вагатозером называется *Salmi*).

¹⁸ Ср. об одних и тех же объектах в рамках одних и тех же документов: *деревня Валгоба... деревня ни Валгом озере; деревня на усть Яндемы речки... усть Яндобы* [Книги 1930].

Наибольшую сложность для интерпретации представляет формант *-ез(ь)ма* с вариантами *-ежма*, *-еишма*, *-есьма*, *-ожма* и под. Он распространен на огромных территориях Центральной и Северной России, и сама география ареала подталкивает к мысли о финно-угорском происхождении форманта, тем более, что этот топонимический тип имеет в основах соответствия в других, этимологизируемых (как финно-угорские) типах: *Пележма* – *Пеленьга*, *Кулежма* – *Кулома* [Матвеев 1969]. Однако, никакого определенного объяснения на соответствующей языковой почве формант не получил, несмотря на то, что сочетание *-sm(-zm, žm-)* не чуждо финно-волжским и саамскому языкам. Допускалось, что этот формант принадлежит древним, исчезнувшим языкам; так, В.В. Седов [Седов 1974] сопоставлял его с областью расселения неолитических льяловских племен. Е.М. Поспелов отметил малочисленность соответствующих топонимов в центральной России и указал, что в двусложных топонимах типа *Восьма*, *Кишма*, *Нозьма*, *Пешма* формантом является не *-езьма*, но *-ма* [Поспелов 1974].

В Карелии нами найдено 33 подобных топонима (28 принадлежат рекам). Многие из них действительно содержат не *-езьма*, но *-ма* (*Кузьма* < *Кузема*) или вовсе не содержат никакого форманта, совпадая с различными апеллятивами (*Лижма*, *Лужма*, *Пизьма*, *Нижма*, *Шожма*). Оставшихся "бесспорных" случаев всего 14: пороги – *Валазмо*, *Кинтезьма*; озера – *Кулежма*, *Килизьма*; дер. – *Куолисмаа* (*Кулизма* [Книга 1858]); реки – *Колежма* (*Кулежма* [Акты 1988: 82]), *Кулисмайоки*, *Куржма*, *Кутижма*, *Лундожма*, *Негежма*, *Нижжма* (*Негижма* [Книги 1930]), *Унежма* (дважды). Но и эти "бесспорные" случаи спорны. Обращает на себя внимание бедность набора топооснов (что наблюдается и на других территориях; так, все немногочисленные гидронимы этого типа на Кольском п-ве имеют аналоги в Карелии). Это заставляет задуматься, что и эти гидронимы не содержат форманта *-езьма*; ср., например, *Колежма* с саам. *koalašmeD* "увядать, темнеть (о ягеле)", *kalasmed* "леденеть, застывать".

Если же обсуждаемый формант действительно самостоятелен и имеет терминологическое значение, то мы видим лишь одну возможность объяснить его из лексики финно-угорских языков (обратив внимание, на то, что все подобные названия принадлежат малым рекам, за исключением окской Клязьмы), а именно как **aset* "место; место поселения"; о соответствующих терминах прибалтийско-финских, волжских и угорских языков см. [SKES]¹⁹.

И все-таки нельзя исключить варианта, что формант *-езьма*, является дофинноугорским (неиндоевропейским) наследием в топонимии Центра и Севера Европейской России. В таком случае отражением соответствующего термина видится лит. *viėštiuõ* "небольшая речка, ручей". Вопрос, безусловно, требует дальнейшей разработки.

* * *

В заключение отметим, что существует, все же, одно обстоятельство, не позволяющее безоговорочно отвергать возможность присутствия в Карелии УТС. Этим обстоятельством является наличие на севере Карелии значительного числа озер с названиями, содержащими *m*-овую финаль, иногда закрытую термином *järvi* или *озеро*: *Ельть*, *Кереть*, *Кават*, *Копатозеро*, *Копыт*, *Куопотти*, *Ланатто*, *Ланоть*, *Лютто*, *Ноумут*, *Нилуттиярви*, *Солотозеро*, *Палат*, *Томут*, *Хетто*. Естественно, это наводит на мысль о самодийско-угро-пермском *torltoity* "озеро"²⁰. В каждом конкретном случае можно подыскать этимологию, объясняющую эти *m*- на саамской или карельской почве (*Куйтто* ~ *Kuitti* из карел. *kuitti* "лодка" и т.п.; см. также о речном форманте *-mal/-da*), но при этом остается труднообъяснимой географическая локализация указанных лимнонимов. Можно было бы указать и другие потенциальные

¹⁹ Для центра России следует иметь в виду и марийск. *ušma, umša, ašma* "уста", в топонимах – "устье".

²⁰ А.К. Матвеев [Матвеев 1997б] настаивает на отсутствии на Русском Севере "m-овых" лимнонимов.

признаки УТС в Карелии. Так, название озера *Нангосламп* (р. Янгозерка) внешне сходно с названием р. *Нянгусяха* в Ямало-Ненецком АО, которое связывают с ненецк. *нянгу* "нижняя челюсть" [Матвеев 1997а: 88]. С другой стороны, оно объяснимо из саам. *nanuallas* "медведица". Так что разумнее этот вопрос отложить до завершения работы над этимологизацией основного массива топонимов Карелии.

Итак, на настоящий момент в топонимии Карелии достаточно определенно выделяются следующие пласты: саамский; чудской (архаичного прибалтийско-финского типа); прибалтийско-финский; русский. Приблизительная оценка доли каждого слоя видна из таблицы, где приведены результаты предварительного изучения некоторых групп топонимов.

Таблица

Разряд топонимов	Всего	Русские	Прибалтийско-финские	Саамские	Чудские	Не идентифицированы
Топонимы на А-	151	15	95	23	3	15
Топонимы на Б-	190	139	24	17	1	9
Названия порогов	598	279	196	98	2	23
Итого	939	433	315	138	6	47

Является ли чудской слой топонимии (возможно, в свою очередь, состоящий из нескольких разновременных слоев) адстратным или суперстратным по отношению к саамскому, определенно судить пока трудно. Наличие древнего уральского субстрата не доказано, хотя эта возможность не исключена. Выделить самостоятельный слой топонимии (даже если он и был частично заимствован позднейшим населением) дофинно-угорского (палеоевропейского) происхождения не представляется возможным. Вместе с тем, перспективным видится поиск доиндоевропейских топонимов Европы, сопоставимых с древнейшим слоем лексики современных саамских диалектов и соответствующей топонимией Карелии и сопредельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АК 1996 – Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
 Акты 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
 Акты 1990 – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
 Альквист А. 1997 – Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
 Атлас 1792 – Атлас Российской Империи, состоящий из 45 карт, изданный в граде Святого Петра 1792 года.
 Афанасьев А.П. 1979 – Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Вопросы географии. Сб. № 110. М., 1979.
 Бадидин А.Г. 1966 – Сплашки Карелии. Петрозаводск, 1966.
 Бубрих Д.В. 1947 – Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947.
 Витов М.В. 1962 – Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962.
 Витов М.В., Власова И.В. 1974 – География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.
 ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Вайка. М.: Л., 1949.
 Глаголеви А. 1929 – Топонимика Обонежья // Бюлл. ЛОИКФУН. Вып. 2. Л., 1929.
 Григорьев С.В. 1956 – Водопады Карелии. Петрозаводск, 1956.
 Громова А.П. 1974 – Типы топонимических названий в падаком говоре карельского языка // Вопросы ономастики. № 8–9. Свердловск, 1974.

- ГСК 1939 – Географический словарь Кольского полуострова Ч I Л, 1939
- ДКУ 1976 – Древнерусские княжеские уставы XII–XV вв. / Изд подг Я.Н Шапов М, 1976
- Жарникова С 1996 – Древние тайны Русского Севера // Древность Арья Славяне М, 1996
- Жилинский А А 1919 – Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния Пг, 1919
- Зализняк А А 1995 – Древневогородский диалект М, 1995
- История 1987 – История Карелии XVI–XVII вв в документах Петрозаводск, Йоенсуу, 1987
- Кар XVII 1948 – Карелия в XVII веке (сборник документов) / Сост Р Б Мюллер Петрозаводск, 1948
- Каталог 1959 – С В Григорьев Г Л Грицкая Каталог озер Карелии [б м], 1959
- КБЧ – Книга Большому Чертежу М. Л., 1950
- Керт Г М 1960 – Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // ВЯ 1960 № 2
- Керт Г М 1971 – Саамский язык (кильдинский диалект) Л, 1971
- Керт Г М 1982 – Проблемы топонимики Кольского полуострова // Ономастика Европейского Севера СССР Мурманск 1982
- Керт Г М 1988 – Словообразование имен в саамском языке // ПФЯ Петрозаводск, 1988
- Керт Г М 1991 – Структурные типы саамской топонимики // ПФЯ Петрозаводск, 1991
- Керт Г М Мамонтова Н Н 1982 – Загадки карельской топонимики рассказ о географических названиях Карелии Петрозаводск, 1982
- Клещинин А 1958 – Ландкарта Олонецкого уезда, составленная Акимом Клещинным в 1728 г // В В Пименов Е М Эпштейн Русские исследователи Карелии (XVIII век) Петрозаводск, 1958
- Книга 1852 – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР Кн 12, 1852
- Книги 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг Л, 1930
- Кокменко М Г 1993 – Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии СПб 1993
- Кокменко М Г Кочуркина С И 1996 – Вопросы истории населения древней Карелии // АК 1996
- Кузнецов А В 1991 – Язык земли вологодской Архангельск, Вологда, 1991
- Лексикот 1985 – Путешествия Элиаса Леинрота Петрозаводск, 1985
- Леккинен В Т 1965 – Семантика карельской гидронимики и некоторые случаи адаптации ее русским языком на территории Карелии // Всесоюзная конференция по финно-угроведению Тезисы докладов и сообщений Сыктывкар 1965
- Леккинен В Т 1967 – О некоторых саамских гидронимах Карелии // ПФЯ Л, 1967
- Лоция 1913 – [А Н Арский] Лоция Белого моря Ч I Пг, 1913
- Макарик Г М 1975 – Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 1975
- Мамонтова Н Н 1982 – Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала КАССР Петрозаводск, 1982
- Мамонтова Н Н 1991 – О структурных типах карельской ойконимики (первичные и вторичные ойконимы) // ПФЯ Петрозаводск, 1991
- Мамонтова Н Н 1995 – Из истории изучения топонимики Карелии // Ономастика Карелии Петрозаводск 1995
- Мат 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVI в Петрозаводск, 1941
- Мат ЕС 1972 – Материалы по истории Европейского Севера СССР Северный археографический сборник Вып 2 Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в Вологда, 1972
- Мат Кольск 1930 – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв // Материалы комиссии экспедиционных исследований Вып 28 Серия северная Л, 1930
- Матвеев А К 1969 – Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // ВЯ 1969 № 5
- Матвеев А К 1979 – Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Севера СССР Петрозаводск 1979
- Матвеев А К 1993 – Названия с основой *Коне* в топонимии Русского Севера // Этимология 1988–1990 М 1993
- Матвеев А К 1995 – Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ 1995 № 2
- Матвеев А К 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ 1996 № 1
- Матвеев А К 1997а – Географические названия Тюменского Севера Екатеринбург, 1997
- Матвеев А К 1997б – К лингвотипической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // БСИ 1988–1996 М 1997
- Мулонен И И 1982 – Структурные типы микропонимов с Шелтозеро Карельской АССР // Ономастика Европейского Севера СССР Мурманск, 1982
- Мулонен И И 1991 – Вельские топоформанты // ПФЯ Петрозаводск, 1991

- Муллонен И И* 1993 – О святых топонимах и некоторых следах древних веровании в велеской топонимии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993
- Муллонен И И* 1994 – Очерки велеской топонимии СПб, 1994
- Муллонен И И* 1997 – Истоки топонима Суна в контексте этноязыковой истории Обонежья // Традиционная культура финно угров и соседних народов Петрозаводск, 1997
- Напольских В В* 1990 – Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно угорской предистории) // Исследования по этиогенезу и древней истории финноязычных народов Ижевск, 1990
- Напольских В В* 1997 – Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров // БСИ 1988–1996 М 1997
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950
- Попов А И* 1958 – Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // ПФЯ Петрозаводск 1958
- Попов А И* 1965 – Географические названия Введение в топонимику М Л 1965.
- Попова Э Ю* 1996 – Отэтнонимических образования в диалектной лексике Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика Екатеринбург, 1996
- Поселения 1988 – Поселения древней Карелии Петрозаводск, 1988
- Поспелов Е М* 1974 – Содержание топонимического атласа Центра // Вопросы географии Сб № 94 М 1974
- ПС 1991 – Происхождение саамов М, 1991
- ПФЛ 1991 – *Мамонтова Н Н, Муллонен И И* Прибалтийско финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Самоквасов Д Я* 1909 – Архивный материал Новооткрытые документы поместно вотчинных учреждений Московского царства Т 2 М, 1905–1909
- СГД 1813 – Собрание государственных грамот и договоров хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел Ч 1 М, 1813
- СГКЭ 1929 – Сборник грамот коллегии экономии Т 2 Л, 1929
- Седов В В* 1974 – Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии, Сб № 94 1974
- Серебрянников Б А* 1955 – Волго Окская топонимика на территории Европейской части СССР // ВЯ 1955 № 6
- СП 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.) Петрозаводск 1928
- Спиридонов А М* 1990 – Заселение Челмужского погоста (по археологическим материалам X–XVI вв.) // Европейский Север история и современность Петрозаводск, 1990
- Стрельбицкий И А* 1890 – Специальная карта Европейской России 10 верст в дюйме / Под ред И А Стрельбицкого / Сост в 1870–1874 гг., изд в 1890 г
- Суйсарь* 1997 – Село Суйсарь история, быт, культура Петрозаводск, 1997
- Филипов А М* 1901 – Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник СПб 1901, Т 1 Кн 3
- Финно-угры 1987 – Финно угры и балты в эпоху средневековья М, 1987
- ФУС 1982 – Финно-угорский сборник М, 1982
- Хиду П* 1985 – Уральские языки и народы М, 1985
- Хакулинен Л* 1953 – Развитие и структура финского языка Ч 1 Фонетика и морфология М, 1953
- Харузин Н Н* 1890 – Русские лопари // Изв ОЛЕАЭ при Московском уни те Т 66 Тр этнограф отдела Кн 19 М 1890
- Шанько Д Ф* 1929 – Реки и леса Ленинградской области Л, 1929
- Шаскольский И П* 1973 – Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI в // История географических знаний и открытий на Севере Европы Л, 1973
- Шилов А Л* 1993 – По Суна плыли наши челны М, 1993
- Шилов А Л* 1995 – Гатчина // РР 1995 № 1
- Шилов А Л* 1996а – Чудские мотивы в древнерусской топонимии М, 1996
- Шилов А Л* 1996б – Топонимический заповедник // РР 1996 № 3, № 4
- Шилов А Л* 1997а – Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // ВЯ 1997 № 6
- Шилов А Л* 1997б – Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России (VI конференция Российская деревня история и современность Нижний Новгород, ноябрь 1997) М, 1997
- Шилов А Л* 1998 – Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера к происхождению гидроформанта *en(ь)ga* // ВЯ 1998 № 3
- Шуберт Ф Ф* 1840 – Специальная карта Западной части Европейской России в 1/420000 долю / Под ред ген-лейт Шуберта 1826–1840

- Шумкин В.Я.* 1991 – Этногенез саамов (археологический аспект) // ПС 1991.
- Эрикссон А.В.* 1974 – О генетической структуре популяций лопарей // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.
- Ariste P.* 1971 – Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // СФУ. 1971, Т. 7, № 3.
- Itkonen E.* 1980 – Einige Gesichtspunkte zur Frühgeschichte der Lappen und des Lappischen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja. 1980, Bd. 76.
- Itkonen T.J.* 1958 – Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1, 2. Helsinki, 1958.
- Kalima J.* 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörtern im Russischen. Helsinki, 1919.
- Kalima J.* 1941 – Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä, 1941.
- Kalima J.* 1942 – Karjalaiset ja merjalaiset // Uusi Suomi. 1942, 19.7.
- Korhonen M.* 1981 – Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lehtisalo T.* 1933 – Uralische Etymologien // MSFO. V. LXVII. Helsinki, 1933.
- Lönnroth O.* 1918 – Itä-Karjala ja Kuolanlapin kartta. Laatinut vuonna 1918.
- Nissilä V.* 1967 – Die Dorfnamen des alten jüdischen Gebiets. Helsinki, 1967.
- Rudzite M.* 1968 – Somugriskie hidronimi Latvijas PSR teritorija // Latviešu leksikas attīstība. Rīga, 1968.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa. 1–6. Helsinki, 1955–1978.